

РУССКАЯ СЛУЖБА

ЗИНОВИЙ
ЗИНИК
•
РУССКАЯ
СЛУЖБА

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
З-63

Редактор серии — Д. Ларионов

Автор благодарит издателей и редакторов первых публикаций «Русской службы». Светлая память Марши Розановой и Андрею Синявскому (изд-во «Синтаксис»), Ларисе Беспаловой (изд-во «Слово»), Андрею Левкину (ж. «Родник»), Lucia Cathala (изд-во Albin Michel) и Judith Vumpris (BBC Radio 3).

Зиник, З.

З-63 Русская служба: Роман / Зиновий Зиник. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-4448-2579-2

Мечта увидеть лица легендарных комментаторов зарубежного радио, чьими голосами, пробивавшимися сквозь глушилки, герой «Русской службы» заслушивался в Москве, приводит этого мелкого советского служащего в коридоры Иновещания в Лондоне. Но лица не всегда соответствуют голосам, а его уникальный дар исправления орфографических ошибок в министерских докладах никому не нужен для работы в эфире. Изданный сорок лет назад в Париже и сериализованный на английском и французском радио, роман Зиновия Зиника уже давно стал классикой эпохи холодной войны с ее готическими атрибутами — железным занавесом, эмигрантскими склоками и отравленными зонтиками. Но, как указывает автор, русская история не стоит на месте: она повторяется, снова и снова. Зиновий Зиник — прозаик и эссеист. Эмигрировал из Советского Союза в 1975 году. С 1976 года живет в Великобритании. Автор книг «Ящик органа» (2017), «Ермолка под тюрбаном» (2018), «Нога моего отца и другие реликвии» (2020) а также вышедших в НЛО сборников «Эмиграция как литературный прием» (2011), «Третий Иерусалим» (2013) и «Нет причины для тревоги» (2022).

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Zinovy Zinik, 1983, 2024

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

Русская служба

5

Послесловие автора. Происхождение героя

169

Ему сунули в руки знамя и сказали: беги! Древко было холодное, обточенное многолетним хватанием предыдущих рук, и тяжелое кумачовое знамя выскользывало из его заиндеветших пальцев, когда он побежал вперед, тяжело хлюпая по слякоти, в которую раздрыгался снежок пустыря под многочасовым топотом ног. Он перехватывал выскользывающее древко, стараясь не оступиться и не споткнуться, захлебываясь на бегу: то ли от одышки, то ли от встречного ледяного ветра, то ли от тайной гордости за то, что знамя революции досталось ему, а не Севе, не Семе и даже не Сене, ему и никому другому из Русской службы, что бежали рядом, стараясь не наступать на пятки бегущим впереди. Ему казалось, что они бросают на него завистливые взгляды, эти редкие неприятно знакомые лица, рассыпанные в разношерстной толпе непонятного происхождения, потерявшей признаки стран и народов, слившейся в единый интернационал из ушанок, платков, краснофлоток, бескозырок, буденовок и фуражек. Но через мгновение он уже перестал оглядываться назад, на тех, кто толкал его локтями в спину, стараясь выбиться в первые ряды, обогнать его. Он знал, что в этом продуманном движении найдутся надзиратели для тех, кто лезет в пекло поперек батьки; знал, что, если ему досталось отвечать за знамя, его уже никто не отнимет, оно ему по закону порученное: в революционной этой толпе не может

быть двух знаменосцев, нельзя позволить себе такую роскошь, как нельзя позволить двух революционных толп, не хватит никаких ни организационных, ни душевных средств. И он, захватывая воздух астматическим дыханием, преодолевая ревматическую боль в суставах и тряску рук, сливался с древком и рвался вперед, куда указывали понукания главного, с раздвижной лестницы: «Выше знамя, знаменосец, выше!» Под крики вожатого кучка демонстрантов в авангарде толпы солдат, рабочих и революционно настроенной интеллигенции стала заворачивать к провиантскому складу, где за мешками с песком засел классовый враг в виде заградотряда юнкеров. Вот так же бежал, наверное, в авангарде навстречу юнкерской сволоте его отец, краснопресненский рабочий Кирилл Наратор, с партийной кличкой Кириллица, однокашник и друг легендарного комбрига кавалерии Доватора. И с отцовской ненавистью покосил глазом Наратор-сын на теток в кацавейках, которые отсиживались за юнкерскими мешками с песком, делая вид, что они классововраждебный пролетариату элемент, а на деле лишь отлынивали от этого изнуряющего бега по кругу: по кругу, чтобы создавать видимость многотысячной толпы. В результате этого дезертирского отлынивания знаменосец оказывался в одиночестве, не было в результате того поступательного движения вперед и назад с размахом за лучший мир, за иную свободу. С дальнего конца пустыря, гордо и смело, лупила по провиантскому складу красногвардейская гаубица, а в ответ юнкера сыпали картечью. «Почему молчит пулемет? Пулемета юнкеров не слышно!» — кричал главнокомандующий, и дезертиры в кацавейках нехотя и кряхтя подымались и снова бежали по кругу со знаменосцем в авангарде. Выданные ему по случаю демонстрации сапоги были явно велики, и во время бега пятка сбивалась, наверное, огромным волдырем и жгла, как партийная совесть, и Наратор с завистью

косился на юнкеров, бритых красавчиков с молоком на губах, в отутюженных мундирчиках, а особенно завидовал их офицеру, пижонящему в полной белогвардейской форме, со всем антуражем, ухты-ахты, одеколон, блеск погон! Он был бы готов и к ним присоединиться в роли знаменосца; в них даже больше было единства, поскольку они и были обложены с четырех сторон, и униформа была на класс блистательней. Но вот вновь прозвучала короткая команда со стороны красногвардейской цепочки насчет гаубицы, и тут же рычание главнокомандующего: «Офицер юнкеров, видно!», и этому расфуфыренному в погончиках с иголки офицеру пришлось бухнуться в грязный снег за мешками с песком, прямо в слякоть во всем отглаженном, полном белогвардейском наряде. И Наратор, сын друга всех комбригов, затем сирота, а впоследствии дефектор, он же невозвращенец, а ныне сотрудник Русской службы Иновещания, уже без зависти глянул на классовых врагов, возюкающихся в слякоти за мешками с песком, и еще крепче вцепился закоченевшими пальцами в древко с алым полотнищем, где белой известкой было выведено «Вся власть заветам!» (чего с них взять, с голливудских недоучек?). «Берегите снег, снегом не разбрасываться!» — надрывался в мегафон главнокомандующий. У них снег в этом климате на вес золота, прямо из холодильников, чтобы черное и белое, чтобы снег и грязь, чтобы все было с грязью перемешано. Для символичности и историчности. Шли лондонские съемки десяти дней, которые потрясли мир.

Сначала на него долго примеряли разные блузки с бантами и косоворотки, потом напялили нечто зимнее и серое, полупальто-полушинель и дали корявые и закостеневшие кирзовые сапоги. Конечно, он надеялся, что его вырядят белогвардейским юнкером или кем-нибудь постарше, в белогвардейском отглаженном, с погончиками, галунами или там ментиками

или, как их там, киверами. Когда он узнал из объявления в линолеумном коридоре Иновещания, что для революционного фильма требуются *экстра*, то есть, по-нашему, статисты, Наратор разнервничался страшно, долго и пристально разглядывал свое безбровое веснушчатое лицо, приставал к женскому полу Русской службы с расспросами: возьмут ли его *супером*, то есть, извините, *экстрой*, если у него ресницы белесые, и даже принял от машинистки Цили Хароновны какой-то вазелин для лица, которым обмазал остатки волос вокруг лысины. Срочно сбегал в ближайший фотоавтомат, где за занавесочкой, сидя как будто аршин проглотил, четыре раза дернулся от слепящей мигалки, потом боялся, что фоточка не вылезет из окошка, стучал по автомату, но карточка появилась на свет, четырехкратно воспроизведя лицо шизоида, которому как будто в эту секунду втыкали революционный штык в одно место. Но то ли Сеня, то ли Сева, то ли Сема похлопал его по плечу и успокоил, доверительно сообщив, что для массовок как раз уроды и требуются, для характерности. У барачков из рифленого железа перед пустырем проорали в рупор: «Русские и поляки — два шага вперед. Будете пробегать поближе к камере, чтобы создавать славянскость лиц в толпе». Тут Наратор и решил, что это и есть *чанс*, то есть, по-нашему, шанс, поскольку славянское лицо было, пожалуй, только у него, если не считать главного паяца, ихняя голливудская штучка с зубастой улыбкой налево и направо под обожающие взгляды; но в рядах неотесанных славян никакого обожания заметно не было, поскольку они его впервые видели и ничего о нем не слыхали. Он же был и главрежем и всем распоряжался насчет славянских лиц и сапог: ему небось и в голову не приходило, что в России можно и узбеком в революции участвовать. Так или иначе, но белесые ресницы, нос картошкой и веснушки, обшая конопатость оказались для Наратора авантажем.